

ПЫЛАЕВ

.....

НЕВЕРОЯТНЫЕ МИРЫ

Цикл «Горчаковъ»:

Лицеист

Юнкер

Титулярный советник

ВАЛЕРИЙ
ПЫЛАЕВ

ГОРЧАКОВЪ
ЛИЦЕИСТ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П94

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Оформление обложки — *Анастасия Зайцева*

Пылаев, Валерий.
П94 Горчаков. Лицейст : [фантастический роман] /
Валерий Пылаев. — Москва : Издательство АСТ,
2022. — 320 с.

ISBN 978-5-17-147407-2

1967 год. Мир, где правит магия аристократов, рок-н-ролл звучит даже во дворце ее императорского величества, а отечественные «Волги» успешно сражаются на ночных улицах с американскими «Понтиаками».

Очередная бешеная гонка по Санкт-Петербургу заканчивается трагедией. Врачи и целители, уже приговорившие юного князя Горчакова к смерти, списывают чудесное спасение на внезапно проснувшийся Дар. Но даже родовая магия не в силах объяснить, почему у парня полностью изменились привычки и вкусы... и откуда берутся странные сны о местах, в которых ему еще не приходилось бывать.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-147407-2

© Пылаев В., 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2022

Глава 1

— Ваше сиятельство, просыпайтесь.

Моей ладони коснулись чьи-то теплые пальцы. Женские — судя по голосу, который я услышал. Если, конечно, все это происходит со мной на самом деле. Я помнил только удар, боль... машину, буквально обнимающую столб, потом крики, сирены...

— Ваше сиятельство, я же вижу, что вы не спите. — Женщина (а скорее девушка), державшая меня за руку, едва слышно захихикала. — У вас глаза двигаются.

Просыпаться не хотелось. Я не знал — да и не слишком-то торопился узнать, — почему вдруг превратился в какое-то там сиятельство и что за дичь вообще творится. На данный момент меня вполне устраивало то, что тело больше не пытается развалиться на части.

Боль ушла — может, не полностью и не насовсем, но все же достаточно, чтобы я мог в полной мере насладиться возможностью растянуться в мягкой постели. Вдыхать знакомый каждому запах больницы и слушать приятный девичий голос.

Но таинственная незнакомка звала меня... И чтобы разобраться хоть в чем-то, придется для начала вернуться в реальный мир.

— Ох-х-х... — Я прикрыл глаза от света свободной рукой. — Я что, умер и попал в рай?

Реальный мир спешил порадовать. Темноволосая девушка сидела на краю койки, прижимаясь к моему боку

бедром. И это самое бедро я видел... В общем, видел. Одежда выдавала в незнакомке медсестру, однако на ум почему-то сразу приходило что-то вроде тематической вечеринки для взрослых.

И дело было не в отсутствии положенной белой шапочки, откровенном вырезе или слишком коротком халатике — они-то, хоть и не без труда, пока еще укладывались... в рамки приличия. А вот сама девушка стремилась вырваться. И из рамок, и из халатика — пуговицы на весьма привлекательных формах держались на честном слове, а из-под прошитого белоснежного краешка в бессовестной близости от моей ладони выглядывали не колготки, а самые настоящие чулки. Да и в целом униформа красотки казалась... немного тесноватой. В хорошем смысле.

— Умер? Нет, что вы, ваше сиятельство... — Медсестричка захлопала длиннющими ресницами. — Вы были без сознания почти двадцать часов — но теперь все позади. Я так волновалась!

Из-за меня? Или подобный подарок судьбы здесь положен всем пациентам без исключения? И если я провалялся овощем почти сутки, то...

Стоп. Так не бывает!

Я покрутил головой из стороны в сторону. Пошевелил руками. Такими же чужими и незнакомыми, как и «сиятельство». Довольно крупными — и все-таки слишком тонкими и гладкими, чтобы принадлежать взрослому мужчине. Скорее уж совсем молодому... Пацану лет семнадцати-восемнадцати.

Что за?..

Я заерзал, проверяя подвижность тела, и, наконец, подтянул ноги. Которые не только оказались на месте целиком и полностью, но и работали. Движения дава-

лись не без усилий — и все-таки я определенно был в куда лучшем состоянии, чем полагается человеку, которого авария еще вчера превратила чуть ли не в фарш.

— Татьяна.

Заглядевшись на красотку-медсестру, я не заметил, как в палате появилась еще одна докторша. Высокая, голубоглазая и со светлыми волосами, собранными в строгий тугий пучок на затылке. Похоже, эта была рангом повыше — судя по возрасту, золотому шитью на лацканах халата и стетоскопу на шее.

— Ой... Здравствуйте, Ольга Михайловна. — Медсестричка по имени Татьяна тут же скользнула попой по простыне, в мгновение ока оказываясь от меня на расстоянии вытянутой руки. — Его сиятельство проснулся. Я хотела...

— Его сиятельству нужен покой, — отозвалась Ольга Михайловна. — Ступай, Татьяна.

Властной докторше не пришлось ни повышать голоса, ни просить дважды, ни даже указывать на дверь взглядом. Она лишь чуть сдвинула брови — и Татьяна тут же исчезла, напоследок подарив мне еще несколько секунд созерцания весьма аппетитной пятой точки, обтянутой халатиком.

— Рефлексы в норме. — Ольга Михайловна улыбнулась одними уголками губ и приспустила очки на кончик носа. — Как самочувствие?

Я, наверное, должен был что-то ответить — но так и не смог. Окончательно пробудившийся разум переваривал тонны информации зараз, и на речь его скудных мощностей попросту не хватало.

Я в больнице — это понятно. В отдельной палате. И не обычной, а явно рассчитанной на тех, кого принято называть «особо важными персонами», — судя по иде-

альному ремонту, заделанному под старину пузатому телевизору в углу и широкой кровати, назвать которую койкой не поворачивался язык. Секс-бомба Татьяна, похоже, идет ко всей этой медицинской роскоши в комплекте, да и сама Ольга Михайловна выглядит слишком важной птицей, чтобы лично проведывать кого попало.

Впрочем, сама она обращалась ко мне и без непременно «ваше сиятельство», и даже без имени и отчества. А значит...

— Княгиня Ольга Михайловна Бельская. — Докторша, похоже, уловила ход моих мыслей и наконец решила представиться, попутно изобразив что-то вроде легкого поклона. — Статский советник медицинского ведомства... И по совместительству главврач этого... заведения. А вы?..

— Александр... Петрович, — пробормотал я — и вдруг неожиданно для себя добавил: — Князь... внук князя Горчакова.

Ого, а это откуда?! Еще пару минут назад я не мог вспомнить даже...

— Хорошо, — кивнула Ольга Михайловна. — И все же — как вы себя чувствуете, князь?

— Честно? Намного лучше, чем... — Я на мгновение задумался, подбирая слова. — Чем должен был после такого... Я попал в аварию?

— Верно. — Ольга Михайловна поправила очки. — Давайте-ка посмотрим.

Я ожидал, что она возьмется за стетоскоп или примется измерять мне пульс — но вместо этого княгиня прикрыла глаза, и уже через мгновение я почувствовал в области груди легкое покалывание. Странное ощущение спустилось ниже, чуть прогулялось по рукам — а потом ушло в ноги.

Да она же меня просвечивает! Сама, без всякого рентгеновского аппарата или мудреной аппаратуры, которой в этой комнате даже нет, хоть меня и собрали по частям меньше суток назад! Куда бы я ни попал, врачи здесь явно умеют кое-что... особенное. По крайней мере, некоторые из них — медсестра Татьяна блистала скорее формами, чем тайным знанием.

Ольга Михайловна всюду гуляла по мне своим «сканером», а я — за неимением других вариантов — в ответ разглядывал ее. Главврач и статский советник медицинского ведомства оказалась моложе, чем я подумал сначала. Серьезность, очки, строгая прическа и не менее строгий халат (во всяком случае, подобранный по размеру) добавляли ей чуть ли не полтора десятка лет, хотя на самом деле она едва ли была намного старше тридцати.

Мне всегда нравились именно такие — взрослые, самостоятельные и умные. Властные и будто покрытые сверху ледяной броней, но внутри хрупкие.

Кому — мне? И как я вообще могу так думать, если мое «всегда» началось каких-то двадцать часов назад?!

В висках вдруг заломило с такой силой, что я закрыл лицо руками и, застонав, вжался затылком в подушку.

— Князь, что с вами? — Ольга Михайловна шагнула вперед, и я снова ощутил покалывание — на этот раз во всех частях тела разом. — Больно?

— Нет... ничего. — Я осторожно отлип от кровати и приподнялся на локтях. — Просто слабость. Пройдет.

— Голова будет кружиться несколько дней. — Ольга Михайловна достала из кармана увесистый блокнот и отлистала пару страниц. — Возможна легкая слабость, но после магического исцеления такого уровня это нормально. А в остальном — все в полном порядке... Удивительно крепкий организм.

Магическое исцеление? Да, это неплохо все объясняло — и мое почти воскрешение из мертвых за какие-то сутки, и излучение Ольги Михайловны, и чуть ли не все остальные странности разом. Впрочем, желания снова копаться в «запретной» зоне памяти как-то не возникало.

— Видимо, именно вас я должен благодарить за свое чудесное спасение, княгиня. — Я кое-как перевернулся на бок. — Вы очень хороший... врач.

— Целитель. — Ольга Михайловна поправила меня, не задумываясь, но вдруг сдвинула брови. — Мне приятно слышать подобные слова, однако к вашему выздоровлению я имею... весьма косвенное отношение.

— Вот как?.. — Я откашлялся. — Интересно...

— Поймите, князь, подобное попросту невозможно... во всяком случае, для мага-целителя пятого класса: резерва не хватит даже на основные операции. Примерно три четверти повреждений восстановились... — Ольга Михайловна на мгновение смолкла. — Я понимаю, что мои слова прозвучат странно, но других у меня нет: ваши раны будто зажили сами собой.

— Медицинское чудо? — улыбнулся я.

— Может быть. Или спонтанно возникшая сильнейшая связь с родовым Источником. Очень редкое явление... и опасное.

— Почему?

— Магия, которая достается от предков, дает многое. — Ольга Михайловна вновь нахмурилась и чуть поджала губы. — Зато и потребовать может немало. Всему есть своя цена.

Резерв. Родовой Источник — именно так, с большой буквы — и своя цена. Еще и загадочное «может быть» из уст Ольги Михайловны, которая, казалось, должна знать вообще все на свете... Слишком много для одного захода!

В висках снова закололо, но я не подал виду. И все же главврач явно сообразила, что я толком не понял примерно трети сказанных ею слов... хотя должен был понять!

— Князь... Александр Петрович. — Щеки Ольги Михайловны вдруг чуть подернулись розовым. — Я понимаю, что правила приличия обычно не допускают подобных вопросов... И все же я ваш лечащий врач, поэтому...

— Моя память? — улыбнулся я. — Так, княгиня?

Оказывается, даже ее можно смутить.

— Да! — Ольга Михайловна с явным облегчением закивала. — Я знаю, ни ваши братья, ни тем более дед не потерпят... Обещаю: все, что вы мне скажете, не покинет этой комнаты. Слово дворянки!

— Благодарю вас, княгиня. — Я все-таки заставил себя приподняться и выполнить хоть что-то похожее на поклон. — Однако тревожиться незачем. Уверяю, если мой разум и пострадал — то не так уж сильно. Нескольких дней вполне хватит, чтобы я вспомнил все... что мне следует знать.

— Даже сущая чепуха может стать причиной пересудов... А причин сейчас и так предостаточно. — Ольга Михайловна снова спустила очки и устало потерла переносицу кончиками пальцев. — Но мне нравится ваш настрой, князь. Отдыхайте. Вам что-нибудь нужно?

Я едва не ляпнул «курить». И тут же снова почувствовал, как виски будто сжимают тисками. Александру Петровичу Горчакову, внуку князя и потомственному дворянину, в свои неполные семнадцать лет баловаться подобным определенно не положено. Так что...

— Газету. — Я огляделся по сторонам, но так и не увидел ничего хотя бы отдаленно похожего на пульт от телевизора. — И, наверное, еще немного поспать.

— Как пожелаете, — кивнула Ольга Михайловна. — Что вам принести? «Петербургский листок»? «Голос»? «Биржевые ведомости»? Может быть, «Смену» или что-нибудь... литературное?

— Все. Если можно. — Я не стал дожидаться, пока княгиня огласит весь список. — И необязательно свежее. Мне стоит... наверстать упущенное.

Ольга Михайловна удалилась и буквально через несколько минут вернулась с целым ворохом печатной прессы. То ли я каким-то образом успел набрать в ее глазах несколько очков, то ли она действительно так сильно опасалась тех самых пересудов — но газеты и журналы принесла сама. Я не стал привередничать и взял первую попавшуюся: мне так или иначе предстояло прочитать все. И, возможно, не по разу.

Издание порадовало мягкой белой бумагой и личным качеством печати. Я сложил здоровенный лист пополам и начал с заголовка: «Санкт-Петербургские ведомости». Чуть ниже разместился герб — двуглавый орел со скипетром и державой.

Улыбнувшись, я спустился строчкой ниже и прочитал: «№3, пятница, 18-е июля 1967 года».

Тут-то меня и накрыло.

Глава 2

Каждая строчка или фотография в газете вызывала в голове крохотный взрыв, открывавший доступ к очередному куску информации. Я брался за одну ниточку — и тут же зараз вытягивал десяток, сплетенных вместе. Мой разум разгонялся до запредельных частот — тем не менее, и их иногда оказывалось недостаточно, и я снова закрывал глаза и валился на подушку, комкая

в руках ни в чем не повинную бумагу. Однако молодой организм может приспособиться к чему угодно, и уже скоро приступы стали вполне терпимыми, а потом и все сократилось до нескольких секунд звона в ушах.

Так или иначе, спустя примерно полтора-два часа и десяток газет я в общих чертах знал все, что полагается знать шестнадцатилетнему оболтусу, кое-как осилившему несколько классов в Императорском правоведческом лицее. Память восстанавливалась. Пусть обрывками, поверхностно и скорее на уровне привычек и рефлексов, чем вникая в суть, — и все же.

Едва ли в ближайшее время придется демонстрировать что-то по-настоящему сложное — зато в базовых вопросах нравов, этикета и общепринятых норм я не ошибусь. И уж точно не перепутаю «ваше благородие» ни с «сиятельством», ни со «светлостью», ни уж тем более с «императорским величеством». Без труда обращусь к любому из них по всем правилам. И — если придется — сделаю это на английском и французском.

Некоторые вещи в мою голову, к счастью, вбили намертво. Все-таки дворянское происхождение подразумевает некоторое количество обязанностей. Помимо привилегий, прав, вольностей и древнего Дара, поднявшего аристократию над простыми смертными на немыслимую высоту.

Впрочем, в моей памяти родовая магия оказалась чем-то труднопостижимым, далеким таинством не для всех. Почти неизвестным, непонятым — и поэтому скорее опасным, чем привлекательным... А ведь я вполне мог научиться чему-то стоящему — раз уж почувствовал, как Ольга Михайловна просвечивает меня одним лишь взглядом.

Но почему?! Кто в своем уме отказался бы от подобного — будь у него такая возможность?

К моим услугам были воспоминания за неполные семнадцать лет, и среди них я нашел только малопомянутые формулировки вроде «удаленность от родового Источника», «третий ребенок» и «посредственные врожденные способности». Похоже, истинной причиной моей магической бездарности стала самая обычная лень... Я без труда откапывал целые тонны информации о модных журналах, клубах, рок-ансамблях, певичках, актрисах или автомобилях — но ничего по-настоящему нужного и полезного.

Ерунда какая-то... И этот бесполезный недоросль — я?

Вздыхнув, я отогнал мысли о куреве и потянулся за очередной газетой. На этот раз мне попался «Вечерний Петербург». Какая-то светская хроника. Свежая — дата стояла сегодняшняя — и, похоже, не слишком крутая. Раз уж мои прегрешения попали аж на первую полосу.

«Сумасшедшая гонка по Невскому проспекту, — прочитал я. — Александр Горчаков при смерти».

Ха. Три раза ха. Слухи о моей почти гибели оказались... сильно преувеличены. Мастерство Ольги Михайловны и родовой Источник, о котором я имел весьма скудное представление, выгнали меня с того света.

Вот только явно не избавили от проблем на этом.

«По сообщениям очевидцев, вчера примерно в восемнадцать ноль-ноль молодые люди из числа наследников дворянских родов в очередной раз нарушили прямое указание...»

Я перескочил пару строчек.

«...гонку по центральной части Санкт-Петербурга. Неуместное спортивное мероприятие закончилось трагически: на пересечении Невского проспекта и Садовой улицы Александр, младший внук князя Александра Константиновича Горчакова, находившийся за рулем

автомобиля НАЗ-25 «Волга СК-3», не справился с управлением и на скорости порядка ста десяти километров в час...»

О дальнейших событиях можно было и догадаться, и все-таки я не поленился прочесть до конца. По версии автора статьи, за рулем второй машины, участвовавшей в «безобразном состязании», был Дмитрий, сын вдовствующей княгини Воронцовой. Который скрылся с места событий до приезда бригады медиков и полиции. А несчастный Александр Горчаков — то есть я — был доставлен в Мариинскую больницу на Литейном проспекте в крайне тяжелом состоянии.

На этом полезная информация заканчивалась... а статья продолжалась. Изложив события, автор бесцеремонно обрушился на местную «золотую молодежь», заодно припоминая все предыдущие прегрешения. И Воронцова, и, к сожалению, мои. Их было не так уж и много, и все они не отличались каким-то особенным масштабом — но на мгновение я даже испытал стыд. Так что оставалось только внутренне согласиться с автором.

А заодно и поблагодарить его за возможность хотя бы примерно понять, как я выгляжу. Борзописцы явно верстали макет газеты в спешке, торопясь поскорее выплунуть в киоски свежий тираж, и фотографию выбрали не самую удачную. Там я был запечатлен вполоборота и в окружении других людей. Однокашников из лица — судя по форме. То ли дело было в ракурсе, то ли я действительно выделялся среди них ростом — почти на голову выше остальных. И, возможно, чуть постарше — судя по пробивающейся на лице и шее щетине.

Знакомое — и одновременно как будто чужое лицо. В нем неуловимо проглядывало что-то восточное или южное, а темные волосы лишь дополняли впечатление.